

Е Чанцзянь присел перед ним, поднял его подбородок и мягко спросил:

— Маленький господин Тан, извинишься?

Он увидел, что Тан Ханьюй собирается возразить, и усмехнулся:

— Не извинишься, снова брошу в воду, хорошо?

Тан Ханьюй в ярости крикнул:

— Убей меня, если осмелишься!

Его глаза горели, словно он хотел сжечь его.

Е Чанцзянь не разозлился, а засмеялся:

— Я бы хотел спросить твою тетю, как она воспитала такого грязного племянника!

В этот момент Тан Ханьюй вдруг сжал губы, его глаза наполнились слезами, и он чуть не заплакал. Е Чанцзянь вздрогнул, отпустил его подбородок, и услышал, как Тан Цюци воскликнул:

— Старший брат!

Е Чанцзянь встал и обернулся. Тан Цзянли стоял неподалеку и наблюдал за ними.

Тан Цзянли подошел и спокойно посмотрел на Тан Ханьюя:

— Извинись перед ними троими.

Тан Цюци махнул рукой:

— Не надо, я ненавижу, когда мне извиняются.

Тан Цзянли взглянул на него:

— Тан Цюци, за обсуждение чужих дел — один день в запретной комнате.

Е Чанцзянь поспешно воскликнул:

— Эй!

Но затем услышал:

— Тан Ханьюй, за грубость — один день в запретной комнате.

— Янь Уюй, за бездействие в критической ситуации — один день в запретной комнате.

Невинно пострадавший Янь Уюй: ...

Е Чанцзянь сказал:

— Лу Яо не вмешался, но и не подливал масла в огонь, так что его не стоит наказывать.

Тан Цюци потянул его за рукав и шепотом сказал:

— В клане Танмэнь говорится, что бездействие хуже, чем подстрекательство!

Е Чанцзянь: ...

Он безнадежно закатил глаза.

Тан Цзянли холодно приказал:

— Тан Ханьюй, извинись!

Тан Ханьюй стиснул губы и встал. В этот момент подул прохладный ветер, он чихнул, и из носа потекли сопли.

Е Чанцзянь достал из рукава платок и бросил ему:

— Быстрее вытрись.

Тан Ханьюй покраснел от стыда, схватил платок и сильно высморкался.

Е Чанцзянь, заметив, что он собирается вернуть платок, быстро спрятался за Тан Цзянли и крикнул:

— Не надо, оставь себе!

Тан Ханьюй держал платок, смотрел на него и наконец пробормотал:

— Извините...

Тан Цюци сказал:

— Иди переодейся, не простудись.

Тан Ханьюй вытер лицо, оттолкнул подошедшего Тан Цюци и сквозь зубы сказал:

— Не нужно твоего лицемерия!

С этими словами он развернулся и убежал.

Е Чанцзянь сказал:

— Я и Лу Яо пойдем в запретную комнату.

Янь Уюй посмотрел на него:

— Спасибо за компанию.

Он наклонился, поднял одежду с берега и протянул Тан Цюци:

— Быстрее оденься, не заболеет.

Е Чанцзянь тоже сел на гладкий камень у озера, медленно надел обувь и, закончив, встал:

— Тан Цзянли, где находится запретная комната?

Тан Цзянли хотел что-то сказать, но в итоге лишь тихо вздохнул и повел их вперед.

Янь Уюй наклонился к его левому уху и шепотом сказал:

— Старший брат, наверное, умрет от твоего поведения.

Тан Цюци наклонился к его правому уху и тихо сказал:

— Я впервые вижу, чтобы старший брат вздыхал. Раньше он был спокоен, даже если небо падало.

Е Чанцзянь закрыл уши, как будто ему было все равно:

— Не говорите мне об этом.

Они шли молча.

Четверо шли долгое время, и местность вокруг становилась все более пустынной, не похожей на райские пейзажи, которые они видели раньше. Дорога становилась все более извилистой, они прошли через горный перевал, пересекли мост, под ногами бурлила река, и шум воды заставлял сердце биться быстрее.

Запретная комната находилась на задней горе Где Некогда Сияли Радужные Облака.

Хотя передняя гора была красива и живописна, задняя гора была пустынной и мрачной, с одинокой деревянной хижиной.

Янь Уюй вздохнул:

— Это даже печальнее, чем голова монаха.

Тан Ханьюй поднялся за ними, уже в новой одежде, сердито смотря на троих.

Тан Цзянли подошел, достал из рукава связку ключей, открыл дверь запретной комнаты и пропустил их внутрь.

Он сказал:

— Размышляйте о своих ошибках, не судите других.

Затем он взглянул на Е Чанцзяня, запер дверь снаружи и ушел.

Е Чанцзянь осмотрел комнату: несколько столов, низкие стулья, на столах лежали письменные принадлежности, на полках стояло несколько книг. Он подошел, взял книги и начал их листать. Это были книги о самосовершенствовании и успокоении ума.

— Скрип.

Тан Ханьюй без церемоний отодвинул стул, ножки стула скрипели по полу, он громко фыркнул, сел и начал переписывать книгу.

Тан Цюци тоже сел за стол и начал переписывать.

Е Чанцзянь удивился:

— В клане Танмэнь в запретной комнате нужно переписывать книги?

Тан Цюци, морщась, почесал голову кистью и сказал:

— Да, если не перепишешь «Дао Дэ Цзин», завтра снова будешь в запретной комнате, пока не закончишь.

Е Чанцзянь хлопнул Янь Уюя по плечу:

— Нарисуй пару умников, чтобы они помогли нам переписывать.

Янь Уюй хотел согласиться, но Тан Цюци спокойно сказал:

— Эта комната окружена защитными барьерами, ваша духовная энергия подавлена, и вы не можете использовать свои силы.

Эти семь практикующих не знали, что для управления духовными инструментами нужно изучить технику Ночной Переправы под Звон Ветра, и думали, что Янь Уюй использует духовную энергию для управления своей картиной. Если бы он сейчас попытался что-то сделать, это бы его выдало, поэтому Е Чанцзянь остановил его, слегка покачав головой.

Он смирился, сел за стол, взял кисть, написал три иероглифа и сказал:

— Тан Цзянли, я так хочу тебя ударить.

Тан Ханьюй резко бросил кисть, обернулся и сердито крикнул:

— Как ты смеешь оскорблять старшего брата!

Тан Цюци покачал головой:

— Ты не сможешь победить старшего брата.

Е Чанцзянь бросил кисть, сложил руки за головой и спросил:

— До какого уровня дошел Тан Цзянли, что вы все его так хвалите?

Тан Цюци сказал:

— В клане Танмэнь никто не может с ним сравниться.

Янь Уюй сказал:

— Сколько монстров он убил?

Ученики мечника повышали свои способности, убивая монстров.

Тан Цюци сказал:

— Не знаю, сколько, но с тех пор, как я себя помню, он либо убивал демонов, либо был на пути к убийству демонов.

Он так усердно повышал свои способности, но неясно, зачем. Тан Цзянли не казался человеком, который ставит славу выше жизни.

Янь Уюй спросил:

— Он единственный наследник патриарха, зачем ему так стараться? Разве должность патриарха не его?

Тан Цюци положил кисть, на его лице появилось недоумение:

— Я однажды спросил его, он сказал, что ищет кого-то, но не сказал кого.

Они так свободно обсуждали это, но Тан Ханьюй не ругал их. Е Чанцзянь посмотрел на него и увидел, что тот покраснел, на лбу выступил пот, и он безвольно лежал на столе, словно едва дышал.

— Тан Ханьюй, что с тобой?

Он спросил, и Тан Цюци тоже заметил, что с Тан Ханьюем что-то не так, встал и потряс его за плечо, но тот не реагировал.

Тан Цюци нахмурился, подошел к его столу и снова потряс его:

— Тан Ханьюй, Тан Ханьюй?

Е Чанцзянь сказал:

— Пощупай его лоб, горячий ли он?

Он вспомнил, что в прошлой жизни его младший брат Бай Есинь выглядел так, когда у него была высокая температура.

Тан Цюци почувствовал лоб Тан Ханьюя и воскликнул:

— Горячий, как сковорода!

Е Чанцзянь осмотрелся, но не нашел трав для снижения температуры:

— Это плохо, нам нужно спуститься и найти кого-то, иначе он сгорит.

Тан Цюци сказал:

— Дверь заперта снаружи!

Е Чанцзянь подошел к двери, резко ударил по ней ногой,

— Бум!

Деревянная дверь пролетела несколько метров и упала на землю.

Он шагнул за дверь:

— Неси его вниз.

На передней горе Где Некогда Сияли Радужные Облака никогда не заходило солнце, но на задней горе уже была тьма.

Е Чанцзянь собрал сухие ветки в кучу, а они еще не вышли, он быстро произнес:

— Чжу Жун, дай силу, быстро появись!

— Вспышка!

Огонь вспыхнул, и тьма вокруг осветилась.

В этот момент Тан Цюци вышел, неся на спине Тан Ханьюя, шатаясь от тяжести. Е Чанцзянь передал факел Янь Уюю, сам наклонился:

— Положи его на меня.

<http://bllate.org/book/16478/1496958>